

Юай Чоксахват

Корпус ТИШИНЫ.

Юай Чоксахват
Корпус тишины.

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Корпус тишины. / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

За серым забором больницы стоит корпус, который все обходят стороной. Внутри — синие халаты, запах аммиака и железные решётки на окнах. Пациенты живут по своим правилам, а каждый шаг в коридоре звучит как погоня. Районный психиатр привык к протоколам и отчётам. Но однажды он начинает заходить в этот корпус не только по службе — и видит там не диагнозы, а людей, с которыми опасно говорить честно. «Корпус тишины» — психологический роман о границе между нормой и страхом, милосердием и порядком.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Корпус тишины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юай Чоксахват Корпус тишины.

Корпус тишины

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

На территории госпиталя стоял небольшой корпус, со всех сторон обросший бурьяном, крапивой и дикой коноплей. Крыша проржавела, водосточная труба обвалилась, ступеньки у входа сгнили и поросли травой, от штукатурки остались одни следы. Фасадом он смотрел на больницу, задней стороной – в поле, от которого его отделял серый больничный забор с колючей проволокой поверху. И проволока, и забор, и сам корпус имели тот особый унылый, проклятый вид, какой бывает только у больничных и тюремных построек.

Если не боитесь обжечься о крапиву, пройдём по узкой тропинке, ведущей к корпусу, и посмотрим, что там внутри. Открыв первую дверь, попадаем в сени. Здесь у стен и около печки – горы больничного хлама. Матрасы, старые рваные халаты, штаны, рубахи с синими полосками, никуда не годная, стоптанная обувь – всё это свалено в кучи, перемято, спуталось, гниёт и издаёт душливый запах.

На хламе всегда с электронной сигаретой в зубах лежит сторож Никита, пожилой отставной контрактник с выцветшими шевронами. У него суровое, измождённое лицо, нависшие брови, придающие лицу выражение кавказской овчарки, и красный нос; он невысок ростом, на вид сухощав и жилист, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. Принадлежит он к числу тех простодушных, исполнительных и туповатых людей, которые больше всего на свете любят порядок и потому убеждены, что без строгости никак нельзя. Он может и прикрикнуть, и подзатыльник дать, и уверен, что без этого порядка не будет.

Далее попадаешь в большую, просторную комнату, занимающую весь корпус, если не считать сеней. Стены здесь выкрашены грязной голубой краской, потолок закопчён, как в деревенской избе, – ясно, что зимой топят печь и бывает угарно. Окна изнутри защищены железными решётками. Пол серый и шершавый. Воняет прокисшей капустой, горелым маслом, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит такое впечатление, будтоходишь в зверинец.

В комнате стоят кровати, привинченные к полу. На них сидят и лежат люди в синих больничных халатах и старых вязаных шапках. Это – пациенты.

В палате их пятеро. Один – из офицеров, остальные – гражданские. Первый от двери – высокий, изможденный мужчина с рыжими, блестящими усами и покрасневшими от слез глазами. Сидит, подперев голову, смотрит в одну точку. Днями и ночами тоскует, покачивая головой, вздыхает и горько усмехается. В разговорах почти не участвует, на вопросы отвечает редко. Ест и пьет машинально, когда предложат. Судя по мучительному кашлю, худобе и румянцу на щеках, у него начинается пневмония.

Рядом с ним – маленький, юркий старичок с острой бородкой и черными, кудрявыми волосами. Днем ходит по палате от окна к окну или сидит на своей койке, поджав ноги по-турецки, и без умолку, словно щегол, насвистывает, тихонько поет и хихикает. Детскую веселость и живость он проявляет и ночью, когда встает, чтобы "помолиться": стучит кулаками по груди и ковыряет пальцем в косяке двери. Это Мойсейка, местный дурачок, повредившийся рассудком лет двадцать назад, когда его мастерская сгорела во время обстрела.

Из всех обитателей корпуса тишины только ему одному разрешено выходить из корпуса и даже за территорию больницы. Такой привилегией он пользуется давно, вероятно, как ста-

рейший пациент и как тихий, безобидный дурачок, городской юродивый, которого все привыкли видеть на улицах в окружении мальчишек и собак. В старом халате, смешной шапке и тапочках, иногда босиком, он бродит по улицам, останавливаясь у ворот и магазинов, просит милостыню. Где-то ему нальют квасу, где-то дадут кусок хлеба, где-то – несколько рублей. Возвращается он в корпус обычно сытым и довольным. Все, что он приносит с собой, отбирает санитар Никита в свою пользу. Делает это грубо, с раздражением, выворачивая карманы и клянясь, что больше никогда не выпустит этого попрошайку на улицу, и что беспорядок он ненавидит больше всего на свете.

Мойсейка любит помогать. Он подает товарищам воду, укрывает их, когда они спят, обещает каждому принести с улицы денег и сшить новую шапку. Он же кормит с ложки своего соседа слева, парализованного старика. Делает он это не из сострадания и не из каких-либо гуманных побуждений, а подражая и невольно подчиняясь своему соседу справа, Громову.

Иван Дмитриевич Громов, мужчина лет тридцати пяти, офицер запаса, страдает манией преследования. Он либо лежит на койке, свернувшись калачиком, либо ходит из угла в угол, словно наматывает километры, сидит же очень редко. Он всегда взвинчен, возбужден и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием. Достаточно малейшего шороха в коридоре или крика во дворе, чтобы он вскинул голову и стал прислушиваться: не за ним ли пришли? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнюю тревогу и отвращение.

Мне нравится его широкое, скуластое лицо, всегда бледное и несчастное, отражающее в себе, как в зеркале, измученную борьбой и постоянным страхом душу. Grimасы его странные и болезненные, но тонкие черты, наложенные на его лицо глубоким и искренним страданием, разумны и интеллигентны, и в глазах – теплый, здоровый блеск. Нравится мне он сам – вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми, кроме Никиты. Когда кто-нибудь роняет пуговицу или ложку, он быстро вскакивает с койки и поднимает. Каждое утро он приветствует своих товарищей, желая им доброго утра, а ложась спать – спокойной ночи.

Кроме постоянной напряженности и этих гримас, его странность проявляется вот еще в чем. Иногда вечерами он кутается в свой старый спортивный костюм и, дрожа всем телом, стуча зубами, начинает быстро ходить из угла в угол, между кроватями. Как будто у него сильный озноб. По тому, как он вдруг останавливается и смотрит на нас, видно, что ему хочется что-то очень важное сказать, но, видимо, понимая, что его не станут слушать или не поймут, он нетерпеливо трясет головой и продолжает ходить. Но потом желание говорить берет верх, и он начинает говорить, горячо и страстно. Речь его сбивчивая, лихорадочная, как бред, порывистая и не всегда понятная, но в ней, и в словах, и в голосе, чувствуется что-то очень хорошее. Когда он говорит, ты видишь в нем и сумасшедшего, и человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь. Говорит он о подлости, о насилии, которое топчет правду, о прекрасной жизни, которая когда-нибудь будет, о блокпостах, которые напоминают ему каждую минуту о тупости и жестокости тех, кто их поставил. Получается какой-то беспорядочный микс из старых, но еще не до конца забытых песен.

II

Лет десять-пятнадцать назад, в нашем городе, прямо в центре, в собственном доме жил чиновник Громов, человек солидный, при деньгах. У него было два сына: Сергей и Иван. Сергей, когда учился на четвертом курсе, заболел ковидом, осложнение дало на легкие, и он умер. Эта смерть стала началом череды несчастий, которые обрушились на семью Громовых. Через неделю после похорон Сергея отца отдали под суд за взятки и махинации, и он вскоре умер в тюремной больнице от какой-то инфекции. Дом и все имущество продали с аукциона, и Иван Дмитриевич с матерью остались ни с чем.

Раньше, когда был жив отец, Иван Дмитриевич учился в университете в Москве, получал стипендию и деньги от отца, не знал никакой нужды. А теперь ему пришлось резко изме-

нить свою жизнь. Он должен был с утра до ночи заниматься репетиторством, переводами, и все равно голодал, потому что все заработанное отправлял матери на еду. Иван Дмитриевич не выдержал такой жизни, сломался, бросил университет и вернулся домой. Здесь, в городе, по знакомству он получил место учителя в школе, но не нашел общего языка с коллегами, не понравился ученикам и вскоре ушел. Умерла мать. Он полгода сидел без работы, питался хлебом и водой, потом устроился судебным приставом. Эту должность он занимал до тех пор, пока его не уволили по состоянию здоровья.

III

Когда-то, еще при живом отце, Иван Дмитриевич, будучи студентом в Питере, получал свои 60-70 рублей стипендии и понятия не имел о настоящей нужде. Теперь же жизнь перевернулась с ног на голову. Пришлось браться за любые подработки: репетиторство за копейки, перепечатка текстов, и все равно перебиваться с хлеба на воду, потому что почти весь заработок уходил матери. Иван Дмитриевич не выдержал такой жизни: сник, зачах и, бросив университет, вернулся в родной город. Здесь, по знакомству, удалось устроиться учителем в местную школу, но с коллегами не поладил, ученикам не понравился, и вскоре он ушел. Потом умерла мать. С полгода перебивался случайными заработками, питаясь чем придется, пока не устроился судебным приставом. Эту должность он занимал недолго, уволился по состоянию здоровья.

Он и в юности, в студенческие годы, не отличался крепким здоровьем. Всегда бледный, худой, подверженный простудам, плохо ел и спал. От одной рюмки вина у него начиналось головокружение и истерика. Его всегда тянуло к людям, но из-за раздражительного характера и мнительности он ни с кем не сблизился, друзей не заводил. О горожанах отзывался с презрением, считая их невежество и сонную жизнь отвратительными. Говорил он громко, горячо, тенором, всегда с негодованием или с восторгом, и всегда искренне. О чем бы с ним ни заговорил, он все сводил к одному: в городе душно и скучно, у людей нет никаких интересов, они ведут бессмысленную жизнь, развлекаясь только насилием, развратом и лицемерием; негодяи сыты и одеты, а честные люди перебиваются с хлеба на воду; нужны школы, местный Telegram-канал с честной информацией, театр, лекции, объединение равнодушных людей; нужно, чтобы люди осознали себя и ужаснулись. В своих суждениях о людях он не признавал полутонов, видел только черное и белое; люди делились у него на честных и подлецов, середины не было. О женщинах и любви говорил страстно, с восторгом, но сам ни разу не был влюблен.

Несмотря на резкость суждений и нервный характер, в городе его любили и за глаза ласково называли Ваней. Его врожденная деликатность, готовность помочь, порядочность, нравственная чистота, его поношенный пиджак, болезненный вид и личные несчастья вызывали теплое и грустное чувство; к тому же, он был образован и начитан, знал, по мнению горожан, все на свете и был чем-то вроде ходячей энциклопедии.

Читал он очень много. Часто сидел в местном коворкинге, нервно теребил бородку и листал журналы и книги; и по лицу было видно, что он не читает, а глотает, едва успевая переварить. Чтение было его болезненной привычкой, он с одинаковой жадностью набрасывался на все, что попадалось под руку, даже на старые газеты и календари. Дома читал всегда лежа.

III

Однажды, промозглым осенним утром, Иван Дмитриевич, кутаясь в воротник куртки и шлепая по размокшему асфальту дворов, пробирался к одному частнику, чтобы получить выплату по исполнительному листу. Настроение у него было хуже некуда, как почти всегда по утрам. В одном из переулков он столкнулся с колонной мобилизованных под конвоем. Раньше Иван Дмитриевич часто видел военных, и это всегда вызывало у него смешанные чувства – сочувствие и неловкость. Но сейчас эта встреча произвела на него какое-то особенно сильное впечатление. Ему вдруг показалось, что и его могут призвать, и он так же будет идти по этой грязи, только уже не по своей воле.

Закончив дела и возвращаясь домой, он встретил возле "Укрпочты" знакомого сотрудника полиции, который поздоровался и прошел с ним несколько шагов. И почему-то это показалось ему подозрительным. Дома весь день у него не выходили из головы мобилизованные и солдаты с автоматами, и непонятная тревога мешала ему читать новости в Telegram и сосредоточиться. Вечером он не включал свет, а ночью не спал и все думал о том, что его могут забрать. Он не чувствовал за собой никакой вины и мог поклясться, что и в будущем не совершит ничего противозаконного. Но разве трудно совершить ошибку случайно, невольно? И разве невозможно клевета, в конце концов, судебная ошибка?

Люди, имеющие дело с чужим горем по долгу службы, например, судьи, следователи, врачи, со временем, в силу привычки, становятся настолько бесчувственными, что хотели бы, да не могут относиться к своим "клиентам" иначе как формально. При формальном же, бездушном отношении к личности, для того чтобы лишить человека свободы и отправить на передовую, судье нужно только одно: время. Только время на соблюдение кое-каких формальностей, за которые судье платят зарплату, а затем – все кончено. Ищи потом справедливости и защиты в этом маленьком, прифронтовом городке, вдали от больших городов! Да и не смешно ли думать о справедливости, когда любое насилие воспринимается обществом как разумная и целесообразная необходимость, а любое проявление милосердия, например, оправдательный приговор, вызывает взрыв недовольства и жажды мести?

Утром Иван Дмитриевич вскочил с постели в ужасе, с холодным потом на лбу, уверенный, что его могут забрать в любой момент. "Если вчерашние тяжелые мысли так долго не отпускают меня, – думал он, – значит, в них есть доля правды. Не могли же они прийти в голову просто так".

Постовой неторопливо прошел мимо окон – это неспроста. Вон двое остановились у подъезда и молчат. Почему молчат?

Для Ивана Дмитриевича начались мучительные дни и ночи. Каждый прохожий, каждый автомобиль казались агентами СБУ или сотрудниками военной полиции. Днем обычно проезжал по улице начальник местной администрации на своем внедорожнике; ехал из загородного дома в администрацию, но Ивану Дмитриевичу каждый раз казалось, что он едет слишком быстро и с каким-то особенным выражением: явно спешит объявить, что в городе обнаружен особо опасный диверсант. Иван Дмитриевич вздрагивал от каждого звонка в домофон, от стука в дверь, мучился, когда видел у хозяйки новых людей; при встрече с полицейскими или военными улыбался и насвистывал, чтобы казаться равнодушным. Ночами не спал, ожидая ареста, но громко храпел и вздыхал, притворяясь спящим, чтобы хозяйка думала, что он спит; ведь если не спит, значит, его мучают угрызения совести – вот и улика! Факты и логика убеждали его, что все эти страхи – бред и психоз, что в аресте и СИЗО, если посмотреть шире, нет ничего страшного, была бы совесть чиста; но чем умнее и логичнее он рассуждал, тем сильнее и мучительнее становилась тревога. Это было похоже на то, как если бы кто-то пытался прорубить просеку в густом лесу: чем усерднее он работал топором, тем гуще и сильнее разрастался лес. Иван Дмитриевич, видя, что это бесполезно, в конце концов, перестал рассуждать и полностью отдался отчаянию и страху.

Он стал избегать людей. Работа и раньше была ему неприятна, а теперь стала невыносимой. Он боялся, что его подставят, незаметно подбросят взятку и потом уличат, или он сам случайно сделает в документах ошибку, равносильную подлогу, или потеряет казенные деньги. Странно, что никогда раньше его ум не был таким гибким и изобретательным, как сейчас, когда он каждый день придумывал тысячи поводов для того, чтобы опасаться за свою свободу и репутацию. Зато значительно ослабел интерес к внешнему миру, в частности, к книгам, и стала ухудшаться память.

Весной, когда сошел снег, в лесополосе возле блокпоста нашли два обгоревших тела – женщины и подростка, со следами насильственной смерти. В городе только и говорили, что

об этих телах и неизвестных убийцах. Иван Дмитриевич, чтобы не подумали, что это он убил, ходил по улицам и улыбался, а при встрече со знакомыми бледнел, краснел и начинал уверять, что нет ничего подлее, чем убийство слабых и незащищенных. Но эта ложь скоро утомила его, и, немного подумав, он решил, что в его положении лучше всего спрятаться в подвале. В подвале он просидел день, потом ночь и еще один день, сильно замерз и, дождавшись темноты, тайком, как вор, пробрался к себе в комнату. До рассвета он стоял посреди комнаты, не шевелясь и прислушиваясь. Рано утром, еще до рассвета, к хозяйке пришли рабочие. Иван Дмитриевич знал, что они пришли менять окна, но страх подсказал ему, что это сотрудники военкомата, переодетые рабочими. Он тихонько вышел из квартиры и, охваченный ужасом, без шапки и куртки, побежал по улице. За ним с лаем гнались собаки, кричал кто-то позади, в ушах свистел ветер, и Ивану Дмитриевичу казалось, что вся жестокость мира скопилась за его спиной и гонится за ним.

Его задержали, привели домой и вызвали скорую. Врач, Андрей Ефимович, прописал успокоительное, грустно покачал головой и ушел, сказав управляющей, что больше он не приедет, потому что не стоит мешать людям сходиться с ума. Так как дома не было средств на лечение, то вскоре Ивана Дмитриевича отправили в психиатрическую больницу и поместили его там в отделение для буйных. Он не спал по ночам, капризничал и беспокоил других пациентов, и вскоре, по распоряжению Андрея Ефимовича, был переведен в корпус тишины.

Через год в городе уже почти забыли об Иване Дмитриевиче, а его книги, сваленные управляющей в кладовке, были растасканы подростками.

IV

Сосед слева от Ивана Дмитриевича – тихий старик, сосед справа – обрюзгший, почти шарообразный мужчина с тупым, совершенно бессмысленным лицом. Это – неподвижное, прожорливое и грязное существо, давно утратившее способность мыслить и чувствовать. От него постоянно исходит резкий, удушливый запах.

Санитар, ухаживающий за ним, бьет его сильно, от всей души, не жалея своих кулаков; и ужасно тут не то, что его бьют – к этому можно привыкнуть, – а то, что это отупевшее животное не отвечает на удары ни звуком, ни движением, ни выражением глаз, а только слегка покачивается, как тяжелая бочка.

Пятый и последний обитатель корпуса тишины – мужчина средних лет, работавший когда-то оператором на почте, маленький, худощавый блондин с добрым, но немного лукавым лицом. Судя по умным, спокойным глазам, смотрящим ясно и весело, он себе на уме и хранит какую-то очень важную и приятную тайну. У него есть под подушкой и под матрасом что-то такое, чего он никому не показывает, но не из страха, что могут отнять или украсть, а из скромности. Иногда он подходит к окну и, повернувшись к товарищам спиной, прикладывает что-то к груди и смотрит, наклонив голову; если в это время подойти к нему, то он смутится и спрячет предмет. Но его секрет угадать несложно.

Пятый и последний обитатель палаты – бывший работник сортировочного центра, щуплый блондин с добродушным, но хитроватым лицом. По умным, спокойным глазам видно, что он себе на уме и хранит какую-то важную тайну. Под подушкой и матрасом у него припрятано что-то, чего он никому не показывает, не из страха, что отнимут, а скорее из скромности. Иногда он подходит к окну, отворачивается от товарищей и прикладывает что-то к груди, склонив голову. Если в этот момент к нему подойти, он смутится и спрячет предмет. Но догадаться несложно.

– Поздравьте меня, – часто говорит он доктору, – меня представили к ордену Мужества. Обычно его дают только военным, но для меня почему-то хотят сделать исключение, – улыбается он, пожимая плечами. – Вот уж не ожидал!

– Я в этом ничего не понимаю, – ворчливо отвечает доктор.

– Но знаете, чего я рано или поздно добыюсь? – продолжает бывший сортировщик, лукаво прищуриваясь. – Я обязательно получу медаль "За отвагу". Это такая награда, что стоит похлопотать. Серебряная медаль на георгиевской ленте. Очень красиво.

Наверное, нигде жизнь не так однообразна, как в этом отделении. Утром пациенты, кроме лежачих, умываются в коридоре из бака и вытираются полотенцами. Потом пьют чай из кружек, который приносит санитар. Каждому полагается по одной кружке. В обед едят суп и кашу, вечером – кашу, оставшуюся с обеда. В перерывах лежат, спят, смотрят в окно или ходят из угла в угол. И так каждый день. Даже бывший сортировщик твердит всё об одних и тех же наградах.

Новых людей в палате почти не бывает. Новых пациентов доктор давно не принимает, а желающих посещать такие места немного. Раз в месяц приходит парикмахер. Как он стрижет пациентов, как санитар ему помогает, и какое смятение охватывает больных при виде пьяного парикмахера, мы рассказывать не будем.

Кроме парикмахера, никто не заглядывает в отделение. Пациенты вынуждены видеть изо дня в день только санитаря.

Впрочем, недавно по больнице пополз странный слух.

Говорили, что корпус тишины стал посещать доктор.

У

Странный слух!

Доктор Андрей Ефимович Рагин – человек необычный. Говорили, что в молодости он был очень религиозен и готовился к карьере священника. После школы в 2000-х он собирался поступить в семинарию, но отец, хирург, высмеял его и заявил, что не будет считать его сыном, если тот станет попом. Насколько это правда, неизвестно, но сам Андрей Ефимович не раз признавался, что никогда не чувствовал призвания к медицине.

Как бы то ни было, семинаристом он не стал. Религиозности он не проявлял и на духовное лицо в начале своей карьеры был похож не больше, чем сейчас.

Как бы то ни было, после окончания медицинского института он не пошел в военные врачи. Особой религиозностью он не отличался, и на человека, близкого к армии, в начале своей карьеры был похож не больше, чем сейчас.

Внешность у него была тяжелая, грубая, деревенская; лицом, короткой стрижкой, широкой костью и крепким, неуклюжим телосложением он напоминал скорее дальнобойщика, чем врача – отъевшегося, невоздержанного и резкого. Лицо суровое, покрыто лопнувшими капиллярами, глаза маленькие, нос красный. При высоком росте и широких плечах у него огромные руки и ноги; кажется, хватит кулаком – дух вон. Но походка у него тихая и осторожная, словно крадется; при встрече в узком коридоре он всегда первым останавливается, чтобы пропустить, и не басом, как ожидаешь, а тонким, мягким тенорком говорит: «Извините». У него на шее небольшая липома, которая мешает ему носить жесткие воротнички, и потому он всегда ходит в мягкой трикотажной или фланелевой рубашке. Вообще, одевается он не по-врачебному. Один и тот же камуфляжный костюм он может носить годами, а новая одежда, которую он обычно покупает на рынке, кажется на нем такой же поношенной и помятой, как старая; в одном и том же костюме он и пациентов принимает, и обедает, и в гости ходит; но это не из скупости, а от полного безразличия к своей внешности.

Когда Андрей Ефимович приехал в город, чтобы занять должность главврача, больница находилась в ужасном состоянии. В палатах, коридорах и во дворе тяжело было дышать от запаха лекарств, гноя и немых тел. Раненые солдаты, санитарки и их дети спали в палатах вместе с больными. Жаловались на тараканов, клопов и мышей. В хирургическом отделении постоянно были осложнения. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного нормального термометра, в ваннах хранили гуманитарку. Завхоз, старшая медсестра и фельдшер воровали медикаменты, а про старого главврача, предшественника Андрея Ефимовича, рас-

сказывали, будто он занимался тайной продажей больничного спирта и завел себе гарем из медсестер и пациенток. В городе отлично знали про эти беспорядки и даже преувеличивали их, но относились к ним спокойно; одни оправдывали их тем, что в больницу попадают только мобилизованные и добровольцы, которые не могут быть недовольны, так как на передовой им было гораздо хуже; не деликатесами же их кормить! Другие же в оправдание говорили, что одному городу без помощи области не под силу содержать хорошую больницу; слава богу, что хоть какая-то есть. А областная администрация не спешила помогать, ссылаясь на то, что у города уже есть своя больница.

Осмотрев больницу, Андрей Ефимович пришел к выводу, что это учреждение аморальное и крайне вредное для здоровья людей. По его мнению, самое разумное, что можно было сделать, это – выпустить больных по домам, а больницу закрыть. Но он рассудил, что для этого недостаточно одного его желания и что это было бы бесполезно; если физическую и моральную грязь выгнать из одного места, то она перейдет в другое; надо ждать, когда она сама выветрится. К тому же, если люди открыли больницу и терпят ее у себя, то, значит, она им нужна; предрассудки и вся эта житейская мерзость необходимы, так как они со временем перерабатываются во что-то полезное, как навоз в чернозем. На земле нет ничего хорошего, что в своем первоисточнике не имело бы чего-то отвратительного.

Осмотрев госпиталь, Андрей Ефимыч пришел к выводу, что это место скорее вредит, чем помогает. По его мнению, логичнее было бы распустить всех пациентов по домам, а сам госпиталь закрыть. Но он понимал, что одного его желания недостаточно, и что это не решит проблему в корне. Если выгнать грязь и хаос из одного места, они просто перетекут в другое. Нужно ждать, пока все это само собой не изживется. К тому же, если люди содержат этот госпиталь, значит, он им зачем-то нужен. Предрассудки и прочие мерзости, возможно, необходимы, потому что со временем они могут переродиться во что-то полезное, как навоз в чернозем. Нет ничего хорошего, что не имело бы в своем начале чего-то неприятного.

Заняв должность, Андрей Ефимыч отнесся к царящему беспорядку с видимым равнодушием. Он лишь попросил санитаров и медсестер не ночевать в палатах и установил два шкафа для инструментов. Завхоз, старшая медсестра, фельдшер и хирург остались на своих местах.

Андрей Ефимыч ценил ум и честность, но ему не хватало характера и веры в себя, чтобы создать вокруг себя умную и честную атмосферу. Он совершенно не умел приказывать, запрещать или настаивать на своем. Казалось, он дал себе слово никогда не повышать голос и не использовать повелительное наклонение. Ему трудно было сказать "дай" или "принеси". Когда он хотел есть, он нерешительно покашливал и говорил кухарке: "Нельзя ли мне чаю?" или "Нельзя ли мне пообедать?". А уж сказать завхозу, чтобы тот перестал воровать, или уволить его, или вообще упразднить эту бесполезную должность – это было для него непосильной задачей. Когда его обманывали, льстили ему или подсовывали на подпись заведомо фальшивый счет, он краснел, как рак, и чувствовал себя виноватым, но счет все равно подписывал. Когда пациенты жаловались на голод или грубое обращение, он смущался и виновато бормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.